

Уильяму Боудену дочь сэра Эдмунда не особенно нравилась. Ее пение наводило на мысли о дурном нраве и избалованности. Он любил женщин честных, доброжелательных и непритязательных. Незадолго до того он состоял в весьма успешной связи с замужней дамой, которая, к глубокому его сожалению, уже покинула колонию. Это был идеальный расклад — приятные послеполуденные пикники, музыкальные вечера... Муж, много старше жены, отличался либеральными взглядами. Раньше супруги жили в Неаполе и новую ситуацию находили совершенно итальянской. Старые девы колонии не питали такого пристрастия к южным нравам, и, когда о связи узнали, любовница Боудена подверглась решительному бойкоту в церкви. Она притворилась, что ей все равно. Но это была неправда. Боуден злился. Ему нравились женщины, которым было искренне все равно.

— Тебя представить? — спросил он у Джеймса, который по-прежнему не отводил глаз от вулканического пейзажа.

— Да. Немедленно.

Они направились сквозь переполненную гостиную обратно к роялю, тщательно избегая развевающихся шалей и сложных образцов парикмахерского искусства, которые преграждали им путь на каждом шагу. Джеймс надул грудь, эффектно заполнив свой красный мундир. Он вспотел от предвкушения.

Никакому мужчине не захочется чувствовать, что его используют, просто чтобы провести время, покуда истинный предмет интереса не вошел в комнату. Но именно это почувствовал Джеймс, и его раздражение возросло. Мисс Уолден смеялась и улыбалась всем его шуткам. Но при этом смотрела на дверь. Танцы уже начались, и он одновременно пытался увлечь ее мазуркой, которая должна была прелестно оживить ее грудь, и пресечь постоянные попытки других мужчин поймать ее взгляд, когда ее тело вдруг напряглось, как у собаки, почуявшей дичь, и все ее внимание сосредоточилось на дверном проеме.

— Позвольте мне вас ненадолго покинуть, капитан. Я должна выполнять свои обязанности хозяйки.

Она выскользнула из его силков и исчезла в мареве модных кружев и шелка. Когда она вынырнула вновь рядом с отцом у главного входа в гостиную, словно пловец, добравшийся до суши, ее роскошная фигура не дала ему различить, кого это она так усиленно приветствует. Боуден возник сбоку, задыхающийся после танца.

— Ну и что же? Где она? Уже отдана соперникам? Я надеялся, ты уговоришь ее потанцевать.

Джеймс выпрямился и посмотрел сквозь толпу. Он увидел, что обильное великолепие Шарлотты Уолден клонится к крошечному, карликовому рыжеволосому созданию с поджатыми губами, вдвое ее меньше. Человек был тщательно ухожен, безупречно одет и изящен в манерах, хотя и чересчур сдержан. Он выглядел таким смешным денди в миниатюре. Он кивал в ответ на оживленные расспросы Шарлотты и тепло поздоровался с великаном вице-губернатором, словно они сердечные приятели. Еще несколько дам, заметив его появление, поднялись с диванов поздороваться с ним. В комнате произошло некоторое движение. Его приход вызвал легкую, но приятную сенсацию.

— Это еще что такое? — рявкнул Джеймс, заранее ревнуя.

— А. Знаменитый доктор. — Боуден улыбнулся. — Большой любимец дам. Это Джеймс Миранда Барри.

И Боуден по секрету поведал другу о случае на эспланаде. Что-то в манере Барри тогда заставило доблестного Боудена отступить. Он обрисовал Джеймсу положение вещей.

— Не сойдишь с ним в чем-нибудь, что для него важно, — и пиши пропало.

Затем, со своей обычной осторожностью, Боуден оставил гостиную на милость доктора и укрылся в вихре танца. Джеймсу Лафлину было о чем подумать.

Тем не менее в последующие недели молодой капитан ухаживал за губернаторской дочкой. Он был далеко не беден и знал, как потрясающе выглядит в военной форме. Он был очень высок. И поэтому привлекал нежный взгляд Шарлотты. Она нашла капитана Джеймса Лафлина очень достойным человеком, притом весьма очаровательным. К сожалению, его робкие реплики никак не могли сравниться по увлекательности с едкими и наблюдательными замечаниями доктора Барри. Капитан Лафлин судил поверхностно. Он смотрел на мир так же, как и все остальные. Доктор же Барри отличался жесткостью и оригинальностью, что придавало его обществу желанную интригу и пикантность.

Джеймс Лафлин сделал все в правильном порядке. Для начала он флиртовал с Шарлоттой настолько на виду у всех, что об их отношениях стали говорить в обществе. Их сажали рядом за обеденным столом, чтобы отец и старые девы понимающе восприняли их сдержанное хихиканье. Никто не отговаривал его от подобных действий — сама Шарлотта и подавно. Затем он пришел с официальным визитом в контору к губернатору. Сэр Эдмунд был в высшей степени приветлив. В кабинете стоял большой стол, а на столе лежала кипа бумаг и весьма внушительное хрустальное пресс-папье, которое призвано было поддерживать стабильность и порядок делопроизводства. Морскому бризу дозволялось проникать в комнату, но не дозволялось уносить с собой конфиденциальные отчеты. Ступеньки, спускающиеся в сад от стеклянных дверей, еще блестели после утренней поливки холодной водой. Мир был все более прекрасен, войны — далеки, и, если этот молодой офицер, который унаследовал более чем достаточно денег, чтобы обеспечить его дочери беззаботное существование, хочет взять на себя заботу о Шарлотте, так

что будущая поездка в Англию может превратиться в свадебное путешествие и бурную череду визитов, а не вылазку на ярмарку невест, — что же, все к лучшему!

— Иди сюда, мой мальчик, — пробасил губернатор. И улыбнулся.

Капитан Лафлин колебался и смущался, как и положено. Он представил множество рекомендаций и уверений в своей благонадежности и сыновней преданности. Он совершенно отвечал тем требованиям, которые губернатор предъявлял к потенциальному зятю. Этот молодец выглядел настоящим женихом и говорил все, что следовало сказать. Губернатор старался удержать серьезный и задумчивый вид, но радостная усмешка окрасила финал лафлиновской речи.

— Ну что же, мой мальчик. — И губернатор озарил комнату своим одобрением. — Если она согласна — то и я не против.

Он не раз видел, как Шарлотта прогуливается по эспланаде, вертя зонтиком, в компании капитана Лафлина, и поэтому не подозревал, что его дочь смотрит на ситуацию иначе, чем он сам.

Он ошибался.

Капитан Лафлин не был недалеким человеком. Он знал, что Шарлотта без ума от Джеймса Миранды Барри, но считал, что это чувство не отличается от того, что испытывает половина дамского населения колонии. От него не укрылась ироническая, осторожная дистанция, которую держал Барри, стоило Шарлотте перейти в романтическое наступление. Соперники не обменялись и парой слов, но Лафлин заметил хитрый взгляд Барри, когда тот, в белых перчатках, бледный, без единого растрепавшегося волоса, вверял раскрасневшуюся и сияющую Шарлотту его попечению на следующий танец. Все было очевидно. Барри освобождал ему путь. Танцевальный зал в Средиземноморье — душное и шумное помещение, где недоразумения рождаются с легкостью. Но в этом случае никакого недоразумения не возникло.

Пусть мужчины и не обсуждали ничего между собой, но они обменялись кивками поверх надушенных кудрей Шарлотты и прекрасно поняли друг друга.

Поговорив с губернатором, Джеймс Лафлин вскочил на коня и рысью проскакал полмили по эспланаде от казенного дома до губернаторской виллы, горя нетерпеливым ожиданием. Ему и в голову не приходило, что Шарлотта может отказать.

Когда его провели в гостиную, дама его сердца покоилась в шезлонге и хихикала. С ней была подруга, пряткая молодая женщина, недавно вышедшая замуж и весьма склонная демонстрировать свои украшения и хвастаться мужем. Она извергала нескончаемый поток слухов и сплетен, чем заслужила прозвище Новости Нации. Эта дама, увидев молодого человека, чьи романтические намерения нельзя было истолковать двояко, вскочила и немедленно удалилась.

Джеймс не садился. Шарлотта побледнела и выпрямилась, поставив ноги в маленьких туфельках рядом и сжав колени, словно собиралась выполнить пируэт. Джеймс неуверенно выдал набор клише. Его обеспокоило, что сделать ей предложение оказалось настолько труднее, чем сговориться с отцом.

— ...Итак, мисс Уолден — Шарлотта, — я прошу вас сделать меня счастливейшим из смертных — то есть в том случае, если вы согласитесь стать моей женой.

Шарлотта закусила губу, подняла подбородок и сказала:

— Я очень ценю ту честь, которую вы мне оказываете, капитан Лафлин, и мне бесконечно жаль. Но я никогда не смогу выйти за вас замуж.

Наступило зловещее молчание. Джеймс весь похолодел. Он не находил слов. Он знал, что должен что-то сказать, дать ей понять, как он потрясен и расстроен, но не мог. Вместо этого он стоял без движения целых две минуты, в продолжение которых Шарлотта в ужасе принялась кусать ногти.

Если бы он постоял еще, она бы засунула в рот большой палец. Джеймс вдруг обнаружил, что взбешен.

— Дело в другом мужчине. — Он говорил очень тихо, холодея от обиды.

Она испуганно кивнула:

— Да.

— Это доктор Джеймс Барри.

Она не могла ничего сказать, ни даже поднять на него глаза.

— Простите, что навязал вам свои чувства, — отрезал Джеймс.

Его гнев вырвался наружу, как джинн из лампы. Он развернулся на пятках и вышел из комнаты, забывшись настолько, что хлопнул дверью. Он чуть не опрокинул подругу Шарлотты в короткий лестничный пролет — так он торопился покинуть виллу. Подруга стояла в коридоре, за горшком с пальмой, так близко к двери, как могла.

Джеймс вырвал свою лошадь у конюха в стойле и поскакал к госпиталю так стремительно, что это заметили в каждом окне и в каждой лавке. Что-то произошло. Это не капитан ли Лафлин вышел из виллы и мчится по холму с безрассудной, если не прямо опасной скоростью? Куда он направляется? В госпиталь? Но он не очень близок с доктором Барри, верно? Скорее даже напротив. Кто-то заболел? Надо спросить у вице-губернатора.

Когда Джеймс доскакал до гребня ветреных белых холмов, он вспотел и весь дрожал. Он впервые в жизни решился сделать предложение и не сомневался в результате. Никакого плана у него не было. Ему просто хотелось кого-то ударить. Он хотел погасить свое разочарование, разворотив безупречный наряд доктора Барри.

Джордж Вашингтон Карагеоргис увидел его приближение и встретил молодого человека в отделанном изразцами вестибюле среди запахов аммония и спирта.

— Где доктор Барри? — Джеймс, к собственному удивлению, орал.

Джордж Вашингтон Карагеоргис был сбит с толку.

— Его здесь нет, сэр.

— А где же его черти носят? — проревел уязвленный капитан Лафлин.

К счастью, в эту самую минуту доктор был за много миль от госпиталя, на дне оврага; он фиксировал сломанную ногу и обрабатывал кровавую рану на лбу человека, который упал с большой высоты и уже сильно страдал от обезвоживания, потому что пролежал на утреннем солнцепеке два часа, прежде чем его обнаружили обезумевшие родственники. Рана была тяжелая, ее покрывал слой мух. Жена несчастного кричала что-то доктору прямо в ухо, а соседи слишком долго возились, пытаясь соорудить импровизированные носилки из зеленых ветвей. Аккуратные рыжие кудри доктора увлажнились от пота, а на бледных щеках от жары сильнее проступили веснушки. Когда он вернулся в город, совершенно вымотанный, он даже не зашел в госпиталь; было уже темно, и капитан Джеймс Лафлин лежал без чувств, сраженный пьянством и гневом, на полу офицерской столовой.

— Ты ему отказала? Я не ослышался, юная леди? Ты хочешь мне сказать, что ты ему отказала?

Молчание.

— Ты в своем уме? Его старший брат умер. Он только что унаследовал прекрасное поместье в Беркшире и достаточно денег, чтобы купить тебе любую чертову безделушку, какая тебе взбредет в голову.

Молчание.

— Ты можешь не дожидаться такого же выгодного предложения. Да что же творится у тебя в голове, Шарлотта?

Молчание.

— И ты не оставила ему никакой надежды, глупое создание?

Молчание.

— Что на тебя нашло? Я дал ему свое благословение. Ты с ним танцевала так, что едва держалась на ногах. Мне в голову не могло прийти, что ты откажешься следовать своим чувствам.

Молчание.

— Тебе семнадцать лет, детка. В октябре будет восемнадцать. Я женился на твоей матери, когда она была намного младше тебя.

Молчание.

— Да какого же черта...

Молчание.

— О нет! Нет, нет, не может быть. Ты же не нацелилась на Барри, а?

Молчание.

— Господи, Шарлотта, если бы твоя матушка была жива, она бы разрешила мне перекинуть тебя через коленку и отшлепать, пока ты не взвоешь. Господи, милостив буди к нам грешным. Да ты глупее, чем я думал. Ты хоть знаешь, кто такой этот Барри? Понятия не имеешь, правда? Вот и никто не знает. Он незаконный сын то ли старого лорда Бьюкана, то ли этого сумасшедшего революционного генерала из Венецуэлы не то Аргентины. Он живет на свое жалованье, и все, насколько я знаю. У Барри нет семьи, нет земли, нет родственников. Он все равно что Вечный жид. Ты же не можешь жить, скача за ним по всему свету. Ты помрешь через три года. Барри живет в странах, где белые люди мрут как мухи. Он выживает только потому, что он холодный как ящерица. Не пойми меня неправильно, детка. Я им восхищаюсь, конечно. Но он тебе не пара. Это любому понятно. По крайней мере, любому, кто чуть поумнее тебя. Он одиночка. Он — да бог его знает, что он такое. Но он никогда не женится. Ни на тебе,

ни на какой другой женщине. Такие мужчины не женятся. И я сомневаюсь, чтобы он хоть в малейшей степени поощрял твое поведение. Он никогда ничего не говорит без издевки. Шарлотта, если ты думаешь, что Барри когда-нибудь женится на тебе, — ты еще бóльшая дура, чем мне казалось. Ты прогнала прекрасного молодого человека, которому в жизни ничего не надо было, кроме как расправить плечи и сделать тебя непристойно счастливой.

Молчание.

— Я просто не понимаю, в кого ты такая дура.

Шарлотта разрыдалась.

Ее глаза были еще несколько красны, когда в пятницу вечером она приветствовала Барри, и он посматривал на нее из-за карточного стола. Слухи уже наводнили колонию. Да, сделал ей блестящее предложение. И она ему отказала. Да нет, тут есть еще один персонаж... Не могу поверить, что он ее поощрял. Возможно, она упустила лучшую возможность в жизни, потому что я не могу представить... Губернатор и его колония сошлись во мнении. Шарлотта время от времени бросала на Барри жалостные взгляды и посматривала на дверь с бóльшим беспокойством, чем приличествует хозяйке, если вечер протекает благополучно.

При этом она пропустила момент, когда капитан Джеймс Лафлин ввалился в дверь, — слишком привычный гость, чтобы его приход объявляли. Джеймс выпил лишнего и растравил свои раны до предела. Вилла была полна смеющихся людей, танцы начались, и почти все уже успели подойти к столам с едой. Джеймсу повезло: он застал Барри одного, в компании холодных мясных закусок и домашнего варенья.

Молодой офицер казался спокойным, но на верхней губе у него блестели капельки пота. Однако он недрогнувшей рукой

отвел Барри от стола. Доктор был так невысок, что, остановившись, Джеймс уткнулся взглядом в его светло-рыжие кудри. Он придвинулся ближе, чтобы их разговор никто не услышал. Он, конечно, слышал сплетни, но думал, что дело в основном в тонких, элегантных, наманикюренных руках хирурга, потому что на него глядели глаза человека бесстрашного, владеющего собой и своим миром, человека, который никогда не оскорбит другого случайно или беспричинно. Джеймс почувствовал кипение гнева, встретив нахальный вопросительный взгляд этого карлика, почувствовал, как глубоко внутри бурлит злоба. Вокруг мужчин пары кружились в вальсе. Но, конечно, за ними наблюдали. Несколько человек заметили их беседу. Доктор и офицер немедленно стали предметом догадок.

— Я должен поговорить с вами, сэр.

— Вам нужна частная консультация? — Барри сразу понял, что Лафлин пьян, и тон его снисходительной иронии стал более резким. Джеймс разъярился.

— Признайтесь ей уже — или не мешайте другим на поле боя.

До госпиталя слухи не дошли, но Барри мгновенно понял, в чем дело. Лафлин, видимо, сделал Шарлотте предложение, и эта дурочка ему отказала.

— Вперед, капитан Лафлин. Уверяю вас, что на поле боя, как вы выражаетесь, я не играю никакой роли.

— Шарлотта говорит иное.

— В этом случае вы можете считать, что мисс Уолден ошибается.

— Как вы смеее играть чувствами юной леди?

Джеймс хотел ссоры, и напор его был решителен. Его усы подрагивали. Голос Барри оставался спокоен и тверд.

— Капитан Лафлин, мисс Уолден семнадцать лет, и вам, если я не ошибаюсь, немногим больше. В семнадцать лет все мы можем принять вежливость за обещание. Желаю вам приятного вечера, сэр.